

DOI: 10.22363/2313-2302-2020-25-1-25-33

Научная статья / Research Article

Ф.М. Достоевский о причинах «замечательной нелюбви» Европы к России

А.А. Лагунов*, А.Ю. СмирновФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Российская Федерация, 355000, Ставрополь, ул. Пушкина, 1,
* emailag@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена попыткой авторов применить некоторые мировоззренческие концепты Ф.М. Достоевского к осмыслению современной социокультурной действительности. Целью проведенного исследования являлось выяснение причин исторически недружественного отношения Европы к России путем анализа трудов Ф.М. Достоевского, посвященных этой проблеме. В процессе написания статьи были использованы опубликованные Дневники писателя; неизданные при жизни писателя дневниковые записи; философские размышления, содержащиеся в художественных произведениях, а также применена современная научная и научно-популярная литература, посвященная творчеству Ф.М. Достоевского. В ходе анализа было выяснено, что в качестве основных причин отторжения России Европой писатель полагал исторические, вероисповедные и нравственные факторы, при этом он особенно выделял непонятное Европе бескорыстие как характеристику русского народа. Авторы обращают внимание на то, что все причины «замечательной нелюбви» Европы к России, о которых пишет Ф.М. Достоевский, прямым или косвенным образом связаны с православным вероисповеданием, поэтому попытка актуализировать мировоззренческое наследие великого писателя непременно приведет нас к дилемме: или переходить от мыслей и слов к действиям, религиозно просвещать и себя, и Европу; или заключить свое православное наследие в историко-культурологические рамки, устранив источник причин нашего отторжения европейской общественностью, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ключевые слова: творчество Ф.М. Достоевского, «народ-богоносец», социальные утопии, религиозное просвещение, постсекулярное общество, нацистроительство, релятивизация нравственности

История статьи:

Статья поступила 15.01.2020

Статья принята к публикации 03.04.2020

© Лагунов А.А., Смирнов А.Ю., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Лагунов А.А., Смирнов А.Ю. Ф.М. Достоевский о причинах «замечательной нелюбви» Европы к России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 25—33. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-25-33

F.M. Dostoevsky on the Reasons for "Remarkable Dislike" Europe to Russia

Aleksey A. Lagunov*, Andrey Yu. Smirnov

North Caucasus Federal University,
1, Pushkin St., Stavropol, 355000, Russian Federation,
* emailag@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is due to the authors attempt to apply some of the philosophical concepts of F.M. Dostoevsky to the comprehension of contemporary sociocultural reality. The purpose of this study is to clarify the reasons for the historically unfriendly attitude of Europe towards Russia by analyzing the works of F.M. Dostoevsky dedicated to this problem. In the process of writing the article, the published Diaries of the writer were used; diary entries unpublished during the writer's life; philosophical reflections contained in works of art, as well as applied modern scientific and popular science literature dedicated to the work of F.M. Dostoevsky. In the course of the analysis, it was found that the writer considered historical, confessional and moral reasons to be the main factors in the rejection of Russia by Europe, while he especially singled out disinterestedness incomprehensible to Europe as a characteristic of the Russian people. The authors draws attention to the fact that all the reasons for Europe's "remarkable dislike" for Russia, about which F.M. Dostoevsky, directly or indirectly associated with the Orthodox faith. Therefore, an attempt to actualize the worldview heritage of the great writer will certainly lead us to a dilemma: either to move from thoughts and words to actions, to religiously enlighten both ourselves and Europe; or to enclose our Orthodox heritage in a historical and cultural framework, eliminating the source of the reasons for our rejection by the European public, with all the ensuing consequences.

Keywords: F.M. Dostoevsky, "the God-bearing people", social utopias, religious enlightenment, post-secular society, nation-building, relativization of morality

Article history:

The article was submitted on 15.01.2020

The article was accepted on 03.04.2020

For citation: Lagunov A.A., Smirnov A.Yu. F.M. Dostoevsky on the Reasons for "Remarkable Dislike" Europe to Russia. *RUDN Journal of Philosophy*. 2021; 25 (1): 25—33. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-25-33

Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила: никогда не считала она нас за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев.
Ф.М. Достоевский. Дневник писателя [1]

Введение

Великий писатель, идеолог русского «почвенничества» Ф.М. Достоевский всю свою жизнь напряженно искал возможности осуществления для

России «третьего пути», который нельзя назвать совсем «особым», скорее этот путь — синтезирующий, сочетающий в себе элементы и тенденции гуманистического (европейского) и аскетического (русско-православного) типов культур, водораздел между которыми пролегает в области мировоззренческой методологии, поскольку они «ставят человека перед окончательным выбором: отождествить ли себя с этим бытием или устремиться за пределы земного тварного бытия к преобразению человеческой природы...» [2. С. 238]. Отсюда проистекает и амбивалентное отношение мыслителя к Европе: утверждая о постоянной и «замечательной» ее нелюбви к России, он в то же время пишет: «У нас — русских — две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами (пусть они на меня за это не сердятся). Против этого спорить не нужно» [1. С. 124].

Актуальность данной статьи обусловлена попыткой применения мировоззренческих концептов Ф.М. Достоевского к современной социокультурной действительности. Мыслитель мучительно размышлял о вселенском предназначении русского народа, и неприятие России европейскими странами являлось существенным затруднением в таком дискурсе. Сегодня, по прошествии почти полутора столетий, перед нами стоит та же апория, только еще более усугубленная историческими событиями и политическими метаморфозами.

Целью проведенного исследования является выяснение причин исторически недружественного отношения Европы к России путем анализа трудов Ф.М. Достоевского, посвященных этой проблеме. Не акцентируя внимания на тех их аспектах, которые поясняют позитивное отношение писателя к Европе, мы сосредоточимся на его негативных характеристиках европейского типа культуры, что позволит осмыслить глубинную подоплеку сегодняшних внешнеполитических, экономических и культурологических реалий.

В процессе написания статьи были использованы опубликованные Дневники писателя за 1876, 1877 и 1880 гг.; неизданные при жизни автора дневниковые записи; философские размышления, содержащиеся в художественных произведениях, а также современная научная и научно-популярная литература, посвященная творчеству Ф.М. Достоевского.

Россия «готовилась быть неправа»

Выясняя причины нелюбви Европы к России, какими они виделись Ф.М. Достоевскому, обратим, прежде всего, внимание на приведенное в эпиграфе статьи указание писателя: Европа не только «нас замечательно не любит», но и «никогда не любила», считая за «досадных пришельцев». Ясно, что писатель отсылает нас к причинам историческим, к которым одинаково можно отнести и избранный Русью византийский вариант вероисповедания (при этом западный вариант еще формально не разделившегося христианства был вполне сознательно отвергнут, тем самым наша страна как

бы приняла на себя часть западно-европейского неприятия Ромейской империи), и ее героическое сопротивление напору «латинства», как теоретическому, так и воинственно-практическому, и непонятому в Европе идеологему старца Филофея «Москва — третий Рим». «Таким образом, — отмечал сам Ф.М. Достоевский, — древняя Россия в замкнутости своей *готовилась быть неправа*, — неправа перед человечеством, решив бездейтельно оставить драгоценность свою, свое православие, при себе и замкнуться от Европы, то есть от человечества...» [1. С. 138].

Исторические *со-бытия*, разумеется, важны при концептуализациях современных ситуаций, но они все же остаются историческими, и к нашей сегодняшней бытийственности относятся лишь косвенно. Действительно, можно ли сегодня всерьез говорить о Москве как третьем Риме? И если все-таки можно, то не в другом ли совсем смысле? Какой Рим мы тогда имеем в виду — имперский языческий или христианский Рим апостола Петра и наместников его престола? Вообще, многих ли в наши дни затрагивает проблема латинизации церкви, многие ли готовы идти на жертвы за сохранение чистоты веры? Согласимся, что если такие люди и есть, пусть даже их немало, однако в целом эта проблема является именно исторической и мало актуальной для современности. Несмотря на прозрения старца Паисия, литературного героя Ф.М. Достоевского, российское государство никак не хочет «сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более» [3. С. 58], а общество, хотя и характеризуемое часто как постсекулярное, религиозную проблематику продолжает считать малосущественной.

Однако Ф.М. Достоевский был очень категоричен, утверждая: «*Формула*. Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что православие все» [4. С. 682]. Перестал ли, в соответствии с этой формулой, наш народ быть русским вследствие падения уровня религиозности? Думается, не совсем так, ведь и великий писатель в своих размышлениях о вселенском православном характере русского народа имел в виду, что его еще нужно воспитать «в тишине» [3. С. 377].

Во времена жизни Ф.М. Достоевского уровень народного религиозного просвещения никак нельзя было назвать высоким, восприятие православного вероисповедания оставалось еще очень поверхностным и сдобренным языческими представлениями, иначе он не обращался бы к своим современникам со страстным призывом: «Изучите православие, это не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, вполне вот те живые силы, без которых нельзя жить народам. В нем даже мистицизма нет, — в нем одно человеколюбие, один Христов образ» [4. С. 570].

Европа «не верит ни благородству России, ни ее бескорыстию»

Характеризуя русский народ как «народ-богоносец», Ф.М. Достоевский указывал, что ведет речь не столько о фактическом его состоянии, сколько об идеально-должном. Он глубоко верил в то, что, сохранив православие во всей

его чистоте, этот народ в будущем способен реализовать свой мировоззренческий потенциал, для чего ему необходимо «большое, общее дело», которого, за редкими исключениями (Отечественная война 1812 г.), у него раньше и не было. «Помочь бы народу, — пишет мыслитель, — стать личностью — вот задача, а для этого нужна идея общего дела, которая объединила бы всех в единое целое, в нацию, ибо народ, ставший нацией, — духовно взрослый народ; нация — не что иное, как народная личность» [5. С. 330]. Такой концепт нации как духовно взрослой народной личности уже имеет высокоактуальный характер в наши дни, когда тема нациестроительства стала приоритетной в российских социогуманитарных науках. Специфичность позиции Ф.М. Достоевского состоит в том, что он не мыслит духовную «взрослость» русского народа без глубокого усвоения им православного вероисповедания, поскольку для писателя христианство, и именно неискаженное православное христианство, есть «величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть» [4. С. 616].

Лишь только воспитав в себе должным образом православность, русский народ способен и стать нацией-личностью, и бескорыстно нести не только сохраненный, но и усвоенный свет православия другим народам. Пока же, по мысли Ф.М. Достоевского, русский народ не усвоил полно христианских истин, однако вполне способен проявлять христианское бескорытие, — именно этим он и непонятен утилитарной Европе, и страшен ей, ведь она «не верит ни благородству России, ни ее бескорыстию. Вот особенно в этом-то „бескорыстии“ и вся неизвестность, весь соблазн, все главное, сбивающее с толку обстоятельство, а потому ему никто и не хочет верить, всех как-то тянет ему не верить. Не будь „бескорыстия“ — дело мигом стало бы в десять раз проще и понятнее для Европы, а с бескорытием — тьма, неизвестность, загадка, тайна!» [1. С. 178—179].

Ф.М. Достоевский имел все основания так говорить, ведь именно в это время разрешался «славянский вопрос» на Балканах, не так давно произошли и Отечественная война 1812 г., и освобождение Греции от османского ига. Впоследствии тенденция только развивалась, и многие разумные европейцы искали пользу в освобождении половины Европы советскими войсками, в поистине бескорыстном финансировании стран социалистического лагеря, сегодня ищут ее в событиях в Сирии, в списании международных долгов и т.п. Конечно, совсем отрицать наличие пользы в действиях царского, советского, российского правительств не следует, иначе эти действия были бы бессмысленны, а, значит, не нужны, однако польза эта несколько иная, идеологическая. Во всех упомянутых случаях за всеми бескорыстными историческими фактами стоял и стоит русский народ, совсем не думающий о финансовых, материальных, физических тратах, зато стремящийся освободить из-под того или иного гнета, как политического, так и экономического братушек-славян, единоверцев-греков, европейцев, сирийцев, африканцев. Разве это не бескорытие как характерная черта народа? И можно ли сказать,

что в Европе всегда хорошо понимают эти порывы народной души? Нет, там с завидным постоянством ставят России диагноз: она хочет что-нибудь захватить. Ф.М. Достоевский верил, что новая и для нас, и для Европы эра настанет только «тогда, когда Европа убедится, что Россия вовсе ничего не хочет захватывать»: «Убеждение это непременно наконец воцарится, но не вследствие наших уверений: Европа не станет верить никаким уверениям нашим до самого конца и все будет смотреть на нас враждебно. Трудно представить, до какой степени она нас боится. А если боится, то должна и ненавидеть» [1. С. 92].

«Западная дребедень»

Помимо акцента на исторических вероисповедных причинах и непонятном для Европы, а потому непредсказуемом бескорыстии России, в размышлениях Ф.М. Достоевского о наших разногласиях сильна критика подавления европейской культурой традиционной нравственности, подавления, обусловливаемого мировоззренческими воздействиями различных социальных утопий. Писатель не уставал предупреждать об опасности для общества социалистов всех мастей, однако эти предупреждения услышаны не были, и через четыре десятилетия одна из европейских социальных утопий, правда, сильно трансформированная вследствие «недогматического отношения» к ней [6. С. 105], на долгий срок завладела душой русского народа.

Социалистов Ф.М. Достоевский отвергал не чувственно-эмоционально, а вполне логично-рационально: все их утопии исходят из совершенно необоснованного предположения о том, что нормальное устройство социальной среды автоматически приведет к праведности людей: «Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагаются! У них не человечество, развившись историческим, *живым* путем до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути!» [7. С. 196—197].

Между тем жизнь — «не одно только извлечение квадратного корня» [8. С. 71], никакая «математическая голова», по мысли писателя, не сможет, отменив понятие Бога, утвердить в обществе воспеваемую всеми социалистами любовь к человечеству, «потому что человек тотчас спросит: для чего мне любить человечество?» [4. С. 610]. Для чего мне вообще кого-то любить без особой необходимости или желания? Почему я что-то должен, а не могу или хочу? Ведь социалисты имеют дело с далеко еще не совершенными людьми, однако они «провозглашают общие законы, то есть такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили. Да если б этот идеал и возможен был, то с *недоделанными* людьми не осуществились бы никакие правила, даже самые очевидные... что хорошо и что дурно — вот ведь чего, главное, мы не знаем. Всякое чутье в этом смысле потеряли» [1. С. 276]. Переродить человека не может один факт

его экономического и политического освобождения, как это думают социалисты, поскольку человек может измениться, но не от внешних, а только от внутренних причин, «не иначе как от перемены *нравственной*». Можно ли достичь ее с помощью оружия? — спрашивает Ф.М. Достоевский. «И как сметь сказать заранее, прежде опыта, что в этом спасение? И это рискуя всем человечеством. Западная дребедень» [4. С. 180].

Мы не будем касаться нюансов релятивизации нравственности в XXI в., приведем только меткую оценку, данную Ф.М. Достоевским в самом начале этого процесса, для последней четверти века XIX: «„Всяк за себя и только за себя, и всякое общение между людьми единственно для себя“ — вот нравственный принцип большинства теперешних людей...» [1. С. 292]. При этом писатель отмечает «неразрешимейший» факт «первой величины и ужасной глубины»: порок торжествует в мире, но отчего-то он не становится выше добродетели. «Порочные люди всегда кем-то принуждаемы говорить, что добродетель все-таки выше и все-таки молятся добродетели» [4. С. 558]. Такое может быть только в том случае, если Добро есть, если оно объективно и не зависит от желаний человека. Потому есть и нравственные идеи: «Они вырастают из религиозного чувства, но одной логикой оправдаться никогда не могут... Вы тогда не будете разбиты, когда примите, что нравственные идеи *есть* (от чувства, от Христа), доказать же, что они нравственны, нельзя (соприкосание мирам иным)» [4. С. 695].

Европа, проходя через этапы Великой Схизмы, католической схоластики, Ренессанса, Реформации, капиталистической трансформации, ощущала это соприкосание все меньше и меньше, и доказательства объективности нравственности становились для нее все более эфемерными. Поэтому закономерно, что, освобождая человека от диктата должного, от нравственных оснований общественной жизни, совершая «моральное самоубийство» [9. С. 56], европейская культура становилась идеологически неустойчивой, а в лоне гуманистических тезисов легко вызревали бесчеловечные антитезисы. Ф.М. Достоевский пишет, что если бы «чуть-чуть „доказал“ кто-нибудь из людей „компетентных“, что содрать иногда с иной спины кожу выйдет даже и для общего дела полезно... тотчас же явились бы исполнители, да еще из самых веселых». Выходит: «Цивилизация есть, и законы ее есть, и вера в них даже есть, но — явись лишь новая мода, и тотчас же множество людей изменилось бы» [1. С. 274].

Заключение

Множество новых мод в начале XX в. не замедлили явиться и теперь уже не прекращаются, стимулируя «замечательную нелюбовь» Европы к России. Как мы видим, все причины этой нелюбви, на которые обращает наше внимание Ф.М. Достоевский, прямым или косвенным образом связаны с православным вероисповеданием, хотя русский народ его и не развил в полной мере, а только сохранил, до поры не проявляя особенно своей «религиозной

пассионарности» [10. С. 58]. Если это верно, то мы стоим сегодня перед мировоззренческой дилеммой: или начинать что-то делать с сохраненным наследием, переходить от мыслей и слов к действиям, как-то религиозно просвещать и себя, и Европу, или же окончательно заключить свое наследие в культурологические, лучше еще и исторические, рамки и, устранив источник причин нашего отторжения европейской общественностью, с готовностью принять и ее мировоззренческие концепты со всеми вытекающими отсюда последствиями. Иного, на наш основывающийся на анализе творчества Ф.М. Достоевского взгляд, не дано. Впрочем, мы признаем скорейшую возможность других вариантов развития событий, при которых, однако, затронутая в статье проблема вряд ли разрешится, а воззрения великого русского писателя и философа уже не будут актуальными.

Список литературы

- [1] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 464 с.
- [2] *Белов В.Н.* Введение в философию культуры. М. : Академический Проект, 2008. 239 с.
- [3] *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л. : Наука, 1976. 544 с.
- [4] *Неизданный Достоевский.* Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. М. : Наука, 1971. 728 с.
- [5] *Селезнев Ю.И.* Достоевский. М. : Мол. гвардия, 1981. 543 с.
- [6] *Белов В.Н., Колычев П.М.* Судьбы марксизма и эмпириокритицизма в России. Размышления о книге Д. Стейлы // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 102—107.
- [7] *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание // ПСС. Т. 6. Л. : Наука, 1973. 467 с.
- [8] *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья: повесть. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 256 с.
- [9] *Нижников С.А., Лагунов А.А.* Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Россия и Европа: борьба за веру // Пространство и время. 2015. № 4 (22). С. 54—67.
- [10] *Душина Т.В., Лагунов А.А.* Общественные факторы религиозно-философской рефлексии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2010. № 1. С. 57—4.

References

- [1] Dostoevsky FM. *A Writer's Diary*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus publ.; 2015. 464 p. (In Russian).
- [2] Belov VN. *Introduction to the philosophy of culture*. Moscow: Academic Project; 2008. 239 p. (In Russian).
- [3] Dostoevsky FM. The Brothers Karamazov. In: *Complete collected works in 30 vols* (1972—1990). Vol. 14. Leningrad: Nauka publ.; 1976. 544 p. (In Russian).
- [4] *The unpublished Dostoevsky: Diaries and notebooks (1860—81)*. Moscow: Nauka publ.; 1971. 728 p. (In Russian).
- [5] Seleznev YuI. *Dostoevsky*. Moscow: Mol. Gvardiya publ.; 1981. 543 p. (In Russian).
- [6] Belov VN, Kolychev PM. Sud'by marksizma i empiriokrititsizma v Rossii. Razmyshleniya o knige D. Steily. *Voprosy filosofii*. 2014;(7): 102—107. (In Russian).
- [7] Dostoevsky FM. *Crime and Punishment*. In: *Complete collected works in 30 vols*. Vol. 6. Leningrad: Nauka; 1973. 467 p. (In Russian).

- [8] Dostoevsky FM. *Notes from Underground*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus publ.; 2016. 256 p. (In Russian).
- [9] Nizhnikov SA, Lagunov AA. Fil i Sof: dialogi o vechnom i prekhodyashchem. Rossiya i Evropa: bor'ba za veru. *Space and Time*. 2015; 4(22): 54—67. (In Russian).
- [10] Dushina TV, Lagunov AA. Social Factors Religio-Philosophical Reflection. *RUDN Journal of Philosophy*. 2010;(1): 57—64. (In Russian).

Сведения об авторах:

Лагунов Алексей Александрович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (e-mail: emaillag@mail.ru).

Смирнов Андрей Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (e-mail: andreysmirnov18@yandex.ru).

About authors:

Lagunov Aleksey A. — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social Philosophy and Ethnology, Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (e-mail: emaillag@mail.ru).

Smirnov Andrey Yu. — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Philosophy and Ethnology, Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (e-mail: andreysmirnov18@yandex.ru).